

ХРОНОТОП КАК ОСНОВА ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА В ДРАМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ХХ ВЕКА

Екабсонс Александра Валерьевна

*Доцент, PhD Чирчикского государственного педагогического
института Ташкентской области*

Аннотация: В данной статье рассматривается формально-содержательная категория времени и пространства на примере русской драматургии XX века. Определяется тип хронотопа и его доминирующая категория. Описывается специфика времени и пространства в драматическом дискурсе. Модернистская драма противопоставлена классической реалистической драме – время характеризуется текучестью, а пространство – ирреальностью. Основу сюжетной композиции и наполнение хронотопа составляет внутренний и внешний конфликт, отличающийся бинарной оппозицией.

Ключевые слова: хронотоп, время, пространство, драматургия, ирреальность, драма, дискурс, доминирующая категория

CHRONOTOP AS THE BASIS OF THE ARTISTIC WORLD IN THE DRAMATIC DISCOURSE OF THE XX CENTURY

Ekabsons Alexandra Valerievna

*PhD Chirchik State Pedagogical Institute of Tashkent region
Uzbekistan*

Abstract: This article discusses the formal content category of time and space on the example of Russian dramaturgy of the 20th century. The type of chronotope and its dominant category are determined. The specificity of time

and space in dramatic discourse is described. Modernist drama is opposed to classical realistic drama - time is characterized by fluidity, and space is unreality. The basis of the plot composition and the filling of the chronotope is the internal and external conflict, which is characterized by a binary opposition.

Keywords: chronotope, time, space, dramaturgy, irreality, drama, discourse, dominant category.

Драматургия XX века – многогранное явление, вмещающее и модернистские драмы, и драму соцреализма, и традиционную драматургию реализма. Начало века представляет драма модернистская. Модернизм, как известно, характеризуется отрицанием многих норм предшествующих направлений, стремлением к новаторству любой ценой: литература потока сознания, рок-пьесы, театр Б.Брехта и т. д. Модернистская драма появляется в литературе в 90-е годы XIX века. Специфика драмы обозначена условным мифологическим пространством, условными образами, рисующими вечные проблемы в бинарной оппозиции «верх-низ», небесное-земное. Исследуя мироощущение драматургов модернистов, О.К. Страшкова утверждает, что мироощущение драматургов-модернистов «воплощалось в условных образах-символах, призванных передать состояние страха Человека перед Ничто, перед трансцендентно вечно сущей Смертью, его бесконечное чувство одиночества, заброшенности, осознание им жизни как старта перед прыжком в бездну, как переходное состояние между Жизнью и Смертью. Условные образы, «располагаемые» драматургом в условном хронотопе, создают эффект опровергивания жизни, к которому стремились совсем недавно символисты, когда «видимость становится сквозной, как стекло, выдавая невероятный смысл происходящего в видимости» [3; с. 70].

Так, пьесы В.Сологуба «Победа смерти», «Дар мудрых пчел», «Ванька-ключник и паж Жеан», «Ночные пляски», «Заложники жизни», «Полеты над безднами» объединены идеей возможности воплотить мечты в реальность, превратить косное земное в прекрасное.

Леонид Андреев, написавший около 30 пьес, представляется уникальным явлением этого периода. Его театр – это эклектика стилей: символизма, натурализма, реализма, экспрессионизма. Осуществляются первые попытки создания ремейк-пьес. Так, в пьесе «Екатерина Ивановна» «гибнущая душа», героиня, оскорбленная подозрениями мужа, решается совершить то, в чем ее подозревает муж. Ее измена – это и протест против произвола мужа, и вдруг «появившаяся болезнь», и осмысление своей женской сущности. О «проблеме женской сущности» говорится в пьесе «Анфиса», в которой три сестры добиваются любви одного человека. Сама героиня носит перстень с ядом и отравляет младшую сестру в приступе ревности. Попытка Андреевым создания ремейк-пьес, несомненно, является новым витком в освоении времени и пространства, обращением к идеям прошлого посредством освоения нравственных ценностей в настоящем. Модернистская драма противопоставлена классической реалистической драме – время характеризуется текучестью, а пространство – ирреальностью. Основу сюжетной композиции, а значит и наполнение хронотопа, составляет внутренний и внешний конфликт, отличающийся бинарной оппозицией (добро-зло, ложь-правда, жизнь-смерть, любовь-нелюбовь, ночь-день, свет-тьма и т. п.). В модернистских пьесах (Вяч. Иванов «Тантал», В.Брюсов «Протесилай умерший», И.Анненский «Лаодамия», Ф.Сологуб «Дар мудрых пчел», К.Бальмонт «Три расцвета», А.Белый «Пришедший», Д.Мережковский «Сильвио», Н.Минский «Альма», В.Хлебников «Госпожа Ленин», Н.Гумилев «Гондла» и др.) можно проследить мотивы, выводящие действие за пределы реального времени и пространства, роковые предчувствия и неприятие настоящего.

Творческое сознание драматургов-модернистов, их обращение к прошлому в контексте единого художественного пространства, позволяло выявить множество интерпретаций мифов, аллюзий, цитат. Образы фольклора, древнерусской литературы, классической драматургии помогали создать единый художественный текст. Наличие прямых отсылок к прошлому, к фольклору, аллюзий, мифов позволяет говорить о попытке драматургов-модернистов реализовывать авторские задачи посредством восприятия произведения реципиентом, что по сути является областью перцептуального хронотопа.

Начало XX века невозможно представить без драматических произведений В.В. Маяковского. Так, в пьесе «Баня» интересно решена проблема времени и пространства. Прошлое и настоящее связывается с помощью машины времени и фосфорической женщины. Таким образом, концептуальный хронотоп, отражающий историческое время и пространство, сопоставляется с хронотопом перцептуальным, в котором время и пространство не ограничено сценическим действием и наполнено мистическим временем-пространством. Похожее решение проблемы времени и пространства мы наблюдаем в пьесе «Клоп» и «Мистерии-Буфф».

Другой русский драматург М.Булгаков в пьесе «Дни Турбиных», с одной стороны, обращается к традиции чеховского театра, с другой стороны, в отличие от Чехова, ставит столкновение между героями в основу конфликта. Драматург совмещает хронику исторического времени с личной драмой героев, психологическим раскрытием характеров. Привлекает внимание и решение проблемы времени-пространства в пьесе «Бег», которая состоит из 8 снов. Символика снов в пьесе – это своеобразное искажение мира. Сном представляется происходящее тем двум молодым героям, судьба которых первоначально должна была стать сюжетной основой пьесы, – петербургской даме Серафиме Корзухиной и

ее рыцарю, встретившему ее под фонарем теплушки. Судьбы героев сквозь сны сплетаются. Сны героев трансформируются в сон автора; таким образом, драматург создает пьесу, в которой на первый план выходит автор. Авторский голос звучит в эпиграфах, в драматургии; если герои Володина и Арбузова имели свой дом, то герои Вампилова – бездомны.

В драматургии конца XX века преобладает пространственное наполнение: если ранее Дом был признаком уюта, семейных ценностей, то в драматургии нового плана Дом разрушается. Дом становится местом, где герои выживают («Кислород» И.Вырыпаева); доживают («Облом-off» М.Угарова); погибают («Пластилин» В.Сигарева); дом-абсурд («Комната смеха для одинокого пенсионера»). У героев Л.Петрушевской дом – жилплощадь, где доживают, у драматургов рубежа веков дом – хрущевка, одна комната; пространство суживается. Исследователь С.Я. Гончарова-Грабовская справедливо отмечает: «На протяжении XX века образ Дома менялся, демонстрируя онтологические и социальные изменения в обществе. В начале XX века исчезает русская усадьба и остаются только воспоминания о запахе антоновских яблок, о вишневом саде и дамах в белых платьях. Чеховское дворянское гнездо превращается в усадьбу-дачу, ностальгия по которой ярко проявится в русской драматургии конца XX века, отражая синдром уходящих ценностей» [4; с. 122]. Решение проблемы времени и пространства в первую очередь определяется онтологическим мышлением автора и его принадлежностью к тому или иному литературному направлению.

Драматургия XX века – разноплановая и многоуровневая. С одной стороны – это реалистическая эстетика с ее устоявшимися хронотопами, с другой стороны – появляется модернистская драматургия, в которой мы видим зарождение онейрического хронотопа (специфический хронотоп, рассматривающий сновидения как особую реальность, ведущую в бесконечность), нашедшего свое развитие в драматургии рубежа

XX-XXI веков. Время при этом застывает, выпадает, пространство расширяется до бесконечности или становится опасным для жизни героя; полностью разрушается понятие Дома как родового гнезда, идиллический хронотоп отвергается. Мировоззрение автора, мыслящего пространственными координатами, обуславливает пространственную онтологическую точку восприятия бытия.

Список литературы:

1. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М., 1986. – 543
2. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. Формы времени и хронотопа в романе. – М., 1986.
3. Страшкова О.К. Условность как общий художественный прием драматургии модернизма и авангарда. Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. № 1(55): в 2-х ч. Ч. 1. –С. 70-74.
4. Гончарова-Грабовская. Пространственно-временной континуум в русской драме конца XX – начала XXI вв. Вестник Белорусского государственного университета. – 2016, № 2. – С. 122.